

Вдова Валерия Ободзинского Нелли:

ОН УМЕР НИЩИМ

Знаменитый певец ушел из жизни 26 апреля 1997 года. Отпевавший Ободзинского батюшка сказал тогда: «Каждый священнослужитель мечтает так умереть — под Пасху. Все грехи с него сняты...»

За 17 лет первого брака не выпил ни рюмки

Ему достаточно было спеть «Эти глаза напротив», чтобы навечно остаться в памяти людей. В 60—70-е годы Ободзинский был бешено популярен. Но для чиновников от культуры такого исполнителя не существовало, доступ на телевидение ему был заказан.

Он был трижды женат, причем дважды на одной и той же женщине. Нелли Ивановна пожертвовала своей карьерой ради мужа, ездила с ним на гастроли, воспитывала их дочерей Анжелу и Валерию. 17 лет супруги были по-настоящему счастливы. И вдруг в новогоднюю ночь все рухнуло...

— Мы сидели компанией в ресторане, — вспоминает Нелли Ивановна, — когда Валера неожиданно сказал: «Я сейчас выпью». «Прощу тебя, не надо», — заплакала я. У меня было предчувствие, что произойдет что-то страшное. Так и случилось. Валера ведь был серьезно болен. Давно. Страдал, мучился... Нам было по 19 лет, когда мы поженились, и он еще перед свадьбой рассказал мне о своем недуге.

— Но вы вышли за него?

— Во-первых, он подкупил меня своим признанием. Во-вторых, к моменту нашего знакомства Валера уже не пил — прошел курс лечения. А в-третьих, тогда в Советском Союзе диагноза алкоголизм не существовало. К слову, за 17 лет нашей совместной жизни до той злополучной ночи он не выпил ни рюмки.

— Вы ведь поженились, когда он еще не был звездой эстрады...

— Тогда этого понятия не существовало. Но уже в 19 лет он был уверен, что станет известным, как тогда говорили, гастролером. Так и случилось. Мы и познакомились с ним в Иркутске: он гастролером от Томской филармонии, я была студенткой нияза.

Сначала мы с Валерой переписывались. Ежедневно я получала по 4—5 писем, открыток. А бывало, утром к завтраку мне приносили от него телеграмму, приходили из института — меня ждет вторая, а вечером — третья. Кроме того, Валера постоянно звонил. Он был романтичным, влюбчивым. И можно сказать, взял меня... нахрапом. (Смеется.) На майские праздники собралась я лететь к Валере в Одессу. Едва сошла с трапа самолета, Валера, встречавший меня в аэропорту, выпалил: «Выходи за меня замуж». — «Не-а. Сразу не выйду». Он даже опешил: «Почему?» — «А так интереснее». Тем не менее в конце июня, после моей сессии, мы поженились.

Первое время жили в Одессе. Собственно, и не жили — в основном ездили на гастроли. Я все время была с мужем. Когда перебрались в Москву, еще долго снимали комнату, затем квартиру. И только через восемь лет после свадьбы у нас появилось свое жилье.

— А как же ваша карьера?

— О ней пришлось забыть. В Москве друзья рекомендовали меня в Торговую палату. Но Валера был категорически против. «Мне нужна жена», — сказал он. И больше мы этот вопрос не обсуждали. Потом я поняла: муж нуждался, чтобы в поездках я за ним ухаживала. Он ведь даже в рестораны не любил ходить — люди не давали ему спокойно поесть: смотрели, обсуждали. А я обед приносила ему в номер.

— Говорили, за певцом всюду следовали его поклонники...

— Ну и что? К «его телу» до-

пуска не было. Он этого не любил, так что девочки общались в основном с музыкантами.

Узнав об измене, сама предложила ему развестись

— Звезда Ободзинского взорвалась на ваших глазах. Он сильно изменился, став популярным?

— Я бы не сказала. Валера был тщеславным человеком, потому и добился известности. Но на отношениях с друзьями и близкими это не отразилось. Для него всегда главным были дом, семья. Он даже признался однажды: «Если бы я был богатым человеком, у меня было бы десять детей». Мужу нравилось, что, когда он приезжал с гастролем, дочери кидались ему на шею, обнимали. Любил делать подарки. Тогда ведь ничего нельзя было купить, и он вез все, начиная с нижнего белья и кончая верхней одеждой.

— Жили душа в душу. И вдруг Валерий Владимирович ушел из семьи...

Валеру наверху не любили. На телевидение не пускали, на кремлевские концерты не приглашали. Говорили, так петь нельзя — что это за хрипы, стоны?

— Я сама пошла на разрыв. Лере исполнился год, когда я почувствовала, что отношение мужа ко мне изменилось. Это был уже не тот Валера... Он скрывал свою связь на стороне, вроде бы не подавал вида. Я же, догадываясь, стала пытаться друзей. Но они тоже хранили молчание... Что ж, решила я, может, в самом деле лучше развестись.

— Даже не уговаривали остаться?

— Не хотела. Если бы все не было так завуалировано, если бы хоть кто-то из друзей сказал мне о том, что происходит, может, повела бы себя иначе. Но это было настоящее предательство. К тому же Валера начал пить. И я надеялась, что новая любовь заставит его завязать с алкоголем. Никто и предположить не мог, что будет хуже.

— Наверное, ты права, — сказал он на мое предложение развестись. Собрал чемодан, а у двери ос-

тановился: «Я ведь не шучу. В самом деле ухожу...» «Счастливого», — сказала я. А у самой комок в горле. Таблеток успокоительных заранее наглоталась, чтобы не разреваться. А он потом даже дочерям говорил: мол, ее татарский характер с ее гордыней не переломить. У нас ведь всю жизнь в семье шла борьба за власть. Он был, конечно, главный. Но и я не хотела уступать.

...А потом началось что-то страшное. Нас не хотели разводить. Все-таки со мной остались две дочки, одна — совсем маленькая. Пришлось сказать на суде: «Я его не люблю и жить с ним не могу».

— Соврали?

— Адвокат посоветовал. Иначе бы не развели... Как выжила, не знаю... Лет через пять он вернулся, плакал. Мы снова поженились, второй раз сыграли свадьбу. (Улыбается сквозь слезы.)

— И вы приняли его после предательства?

— Приняла... С той женщиной Валера и прожил-то, может,

года два. Потом скитался. Мне жалко его стало. Сидели с ним здесь и плакали... Думаю, нам обоим хотелось начать жизнь заново. Но время прошло, наверное, все перегорело.

Когда он вернулся, я поставила условие: «Будешь пить — разойдемся, и больше ты сюда не вернешься». Валера обещал. Справку принес, что пролечился... Хватило его ненадолго, и в 1991 году мы окончательно разошлись. Здесь он в пьяном виде не появлялся. А если срывался на гастролях, мне звонили и я летела его спасать. Но потом все повторялось.

— Он дорожил семьей, у него были друзья. Была слава и любовь зрителей. Кажется, чего не хватало человеку?

— В том-то и дело: он достиг всего. И ему уже казалось, что дальше ничего нет. А потом, вы знаете, Валера так устал от этой

борьбы с чиновниками. Ему все время приходилось просить, унижаться. Он сам сделал себе карьеру, сам же себе был потом администратором, продюсером. Организовывал гастролы. Чтобы стать заслуженным артистом Марийской АССР, ездил с музыкантами на раздолбанном автобусе по деревням и свинофермам. Два месяца выступал бесплатно!

Бомжевал, ночевал на вокзалах

— Ободзинский, Кобзон, Мулерман конкурировали между собой?

— С Кобзоном Валера общался на равных, у них были прекрасные отношения, и делить им было нечего. А когда в Москву из Харькова приехал Мулерман, Ободзинский уже стал известным. Мы подружились с Мулей, он еще был никто и с почтением относился к мужу.

— Интересно, какими непохожими оказались судьбы этих певцов...

— Валеру наверху не любили. На телевидение не пускали, на кремлевские концерты не приглашали. Говорили, так петь нельзя — что это за хрипы, стоны? Валеру считали слишком западным: у него были необычные манеры, он хорошо одевался.

(В разговор вступает дочь Ободзинского Анжела.)

— Чиновникам нужно было подстричь всех под одну гребенку, а папа обладал яркой индивидуальностью и ни под кого не подстраивался. Не лгнул, не лгал, говорил правду в глаза. Наверное, если бы пел про партию и Ленина, тоже стал бы своим. Но ему нравились песни про любовь. «Они мне по душе», — говорил. А его считали чересчур сентиментальным. Отказывался выпить с кем нужно — это воспринималось как заносчивость. Его не любили, а он вкалывал, всю энергию отдавая работе. Мог переписывать одну песню несколько раз. Мы с сестрой так мало его видели!

— Каким он был отцом?

— Нежным, добрым, ласковым. Но и жестким, строгим. Мог гаркнуть. Мне кажется, он просто боялся за нас с Лерой. Как-то в Сочи мы с мамой решили погулять по городу. Она оставила меня на улице, а сама зашла в ювелирный. Вдруг мне показалось, что я увидела ее в толпе. Но, пройдя несколь-

ко метров, поняла, что мамы нет, и потерялась. Мне было 6 лет. Разыскивала меня милиция. После чего папа выпорол меня ремнем и поставил в угол. Долго потом я помнила эту боль... Но мне кажется, именно нормальной жизни с простыми человеческими радостями и бедами папе очень не хватало. Ему хотелось спокойно ходить в магазин, играть с детьми...

— Потому и ушел с эстрады?

— Нет. Работать не позволяла болезнь, — продолжает Нелли Ивановна. — Он уже не мог петь. В последние годы неоднократно лежал в психиатрических клиниках. Пил, бросал, снова срывался.

— А потом к алкоголю прибавились еще и наркотики?

— Был такой период... Мы уже расстались. Валера принимал какие-то таблетки, но мне кажется, недолго. Я не знала, как ему помочь. Помню, он пришел ко мне со своим последним диском. Я говорю: «Здорово! Может, это стимул к тому, чтобы сделать что-то еще?» Валера только вздохнул: «Я свое спел». Он уже ничего не хотел.

— Но ведь в конце жизни у Ободзинского появилась новая любовь...

— Какая любовь?! Что вы! Валера пил — Анна, давняя поклонница, вытащила его. Но она хотела сделать карьеру себе, а не ему. Мечтала выйти за него замуж. Даже меня просила: «Выпиши Валеру, тогда он на мне женится и я его пропишу к себе». — «Хорошо, поговорю». А он даже оскорбился: «Как ты можешь мне предлагать такие вещи?!» Валера часто уходил от Анны. Много раз лежал у нее в подъезде. Она рассказывала, что совала ему в карман 50 рублей. А я возмущалась: «Ты что, убить его хочешь?»

— Значит, правду писали, что Ободзинский бомжевал, ночевал на вокзалах?

— Все — правда. Не работал, денег не было. Так и умер нищим. Единственное, что осталось дочерям — права на его творческое наследие. Если они отсудят их у Анны. Она ведь обманула нас, сказав, что права принадлежат ей. Несколько лет пудрила нам мозги. Наследницы Ободзинского — его дочери. А она-кто такая?

■ Татьяна Петрова. Фото Алексея Петрова.

Ради собственной популярности годами колесил по деревням. А вот дочерей видел очень редко (с дочерью Анжелой)...

Больше всего ему не хватало обычных человеческих радостей: общения с женой и детьми...

Жена и дочь Анжела и теперь вспоминают Ободзинского, улыбаясь сквозь слезы...